

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 ДЕКАБРЯ

№ 23.

1865 г.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 чиселъ, съ Юля 1861 года.

Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всехъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

1865 года Октября 11 дня. Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ вѣдѣніи своемъ, сообщилъ Правительствующему Сенату, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было повелѣть вызвать въ С.-Петербургъ Пресвященнаго *Арсенія* Митрополита Кіевского, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СІНОДА:

1) Отъ 25 Августа. *О предоставленіи Епархіальнымъ Архіереямъ права разрѣшать самимъ устройство церквей въ домахъ, исключая*
ст о л и цъ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго Юля за № 3946, въ коемъ изъяснено: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ,

по всеподаниѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день Юля, въ измѣненіе статей Устава Дух. Консист. 49 и Свода Зак. т. XII ч. 1. Уст. Стронт. 211, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ: устройство церквей въ домахъ для лицъ, пріобрѣтшихъ право на особенное уваженіе, не могущихъ посѣщать приходскіе храмы по преклоннымъ лѣтамъ и болѣзненному состоянію, разрѣшать самимъ Епархіальнымъ Архіереямъ, не испрашивая дозволенія Святѣйшаго Синода, но изъ сего исключить домовыя церкви въ столицахъ. На устройство сихъ церквей, равно какъ и на продолженіе существованія ихъ по смерти того лица, для котораго учрежденіе церкви было допущено, испрашивать, чрезъ Святѣйшій Синодъ, Высочайшее соизволеніе, на прежнемъ основаніи. — Приказали: О вышензъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи объявить по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ.

2) Отъ 30-го Сентября. *О платежъ денегъ за пользованіе въ больницахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія бѣдныхъ лицъ духовнаго званія.*

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, усматривая изъ вступающихъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ требованій объ уплатѣ денегъ за пользованіе въ подвѣдомыхъ Приказамъ Общественнаго Призрѣнія больничныхъ заведеніяхъ бѣдныхъ духовнаго званія лицъ, что нѣкоторыя епархіальныя начальства, вопреки пред-

писаннымъ отъ Святѣйшаго Синода на сей предметъ правиламъ, уклоняются отъ платежа такихъ денегъ Приказамъ, подъ тѣми или другими предлогами, и возбуждаютъ такимъ образомъ напрасную по дѣламъ сего рода переписку, — Приказали: Определеніемъ Святѣйшаго Синода, объявленнымъ по духовному вѣдомству въ циркулярномъ указѣ отъ 27 Іюня 1855 года, постановлено плату за пользованіе въ больницахъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія духовнаго званія лицъ, отсылаемыхъ въ больницы по распоряженію епархіальныхъ начальствъ, производить на счетъ церковныхъ кошелековыхъ суммъ, а за поступающихъ, мимо епархіальнаго начальства, на собственныя ихъ средства, или на счетъ тѣхъ лицъ, по просьбѣ коихъ они въ больницы приняты. За тѣмъ въ вѣдѣствіе возбужденнаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли, по силѣ упомянутаго указа, производить плату за пользованіе бѣдныхъ духовнаго званія въ больницахъ подвѣдомыхъ Приказамъ изъ назначенныхъ въ томъ указѣ источниковъ только на слѣдующее время, или же изъ этихъ источниковъ должны быть пополнены недоимки и прежнихъ лѣтъ по этой части, циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 15-го Іюля 1857 года дано знать по духовному вѣдомству, для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, что изъ назначенныхъ въ указѣ Синода отъ 27 Іюня 1855 года источниковъ, плата должна быть производима какъ за пользованіе тѣхъ неимущихъ лицъ духовнаго званія, кои поступили въ больницы съ 27 Іюня 1855 го-

да, т. е. со дня вышеизъясненнаго распоряженія Синода, такъ равно и за тѣхъ, которыя хотя поступили въ больничныя заведенія и ранѣе сего времени, но означеннаго 27 Іюня находились еще въ этихъ заведеніяхъ. Наконецъ, по сообщенію Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ о встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ во взысканіи денегъ за пользованіе тѣхъ духовнаго званія лицъ, кои поступаютъ въ заведенія Приказовъ не по распоряженію епархіальныхъ начальствъ, а по просьбамъ ихъ родственниковъ, или доставляются полицейскими начальствами, и о невозможности принятія таковыхъ издержекъ на счетъ Приказовъ, при уменьшеніи способовъ послѣднихъ, Святѣйшій Синодъ, признавъ справедливымъ производить изъ суммъ духовнаго вѣдомства плату за пользованіе въ больницахъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія и тѣхъ лицъ духовнаго званія, кои поступаютъ въ больницы помимо распоряженій епархіальнаго начальства, опредѣленіемъ ^{12 Сентября} _{31 Октября} 1860 года постановилъ: потребныя на сей предметъ издержки относить на счетъ того же источника, который назначенъ указомъ Синода отъ 27-го Іюня 1855 года, т. е. на счетъ церковныхъ кошелековыхъ суммъ, но съ тѣмъ однако, чтобы платимыя Приказамъ изъ сего источника деньги тогда только были зачисляемы невозвратнымъ расходомъ, когда призрѣаемыя лица, по надлежащемъ удостовѣреніи епархіальнаго начальства, окажутся дѣйствительно неимѣющими собственныхъ способовъ къ уплатѣ тѣхъ денегъ, а въ противномъ случаѣ были возмѣщаемы въ

церковныя суммы посредствомъ взысканія съ имущества пользующихъ лицъ; о чемъ объявлено подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства къ должному исполненію и руководству указами отъ 22-го Ноября 1860 года. Согласно сему и въ предотвращеніе на будущее время дальнѣйшихъ напрасныхъ по дѣламъ этого рода переписокъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) подтвердить епархіальнымъ начальствамъ, чтобы по полученіи изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія требованій денегъ за пользованіе въ подвѣдомыхъ онымъ больничнымъ заведеніяхъ духовнаго званія лицъ безотлагательно удовлетворили таковыя требованія Приказовъ, на точномъ основаніи указовъ Синода отъ 27 Іюня 1855, 15 Іюля 1857 и 20 Ноября 1860 годовъ, не заводя напрасныхъ по сему предмету споровъ, или бесполезной переписки, и въ случаѣ недостаточности для покрытія издержекъ этого рода кошелевой суммы въ тѣхъ церквахъ, коимъ будутъ принадлежать призрѣваемые въ больницахъ лица, относили издержки сіи на счетъ общаго въ епархіи церковнаго кошелековаго сбора; 2) въ избѣжаніе на послѣдующее время затрудненій въ своевременномъ удовлетвореніи требованій Приказовъ Общественнаго Призрѣнія объ уплатѣ денегъ за пользованіе въ подвѣдомыхъ имъ больничныхъ заведеніяхъ немущихъ лицъ духовнаго званія, предоставить епархіальнымъ начальствамъ образовывать въ подвѣдомственныхъ имъ епархіяхъ, по примѣру епархій Кіевской, Новгородской, Ярославской, Черниговской, Минской, Екатеринослав-

ской, Калужской, Симбирской, Уфимской, Вологодской и Саратовской, чрезъ ежегодное отчисленіе отъ кошельковыхъ суммъ веѣхъ въ епархіяхъ церквей по 1% съ рубля, особый по каждой епархіи капиталъ на покрытіе расходовъ по означенному предмету съ тѣмъ, чтобы остатки, какіе могутъ быть изъ отчисляемой суммы, за покрытіемъ расходовъ сего рода, обращаемы были, по истеченіи каждаго года, въ Государственные фонды, для приращенія изъ процентовъ, до тѣхъ поръ, пока не составитя такой капиталъ, процентами съ котораго могли бы быть покрываемы сказанные расходы въ епархіи. 3) Преосвященные тѣхъ изъ епархій западнаго края, въ которыхъ по ограниченности церковно-кошельковыхъ сборовъ не представится возможности къ образованію изъ этого источника особыхъ для означенной цѣли капиталовъ, не оставляя, по архипастырской своей попечительности о бѣдныхъ, тѣмъ духовнымъ лицамъ, у коихъ въ слѣдствіе ихъ бѣдности, не окажется собственныхъ средствъ для взноса за принадлежащихъ къ ихъ семействамъ больныхъ Приказамъ постановленной платы, назначать необходимыя для сего пособія изъ особо ассигнуемой по Высочайше утвержденному 27 Іюля 1863 года мнѣнію Государственного Совѣта суммы на воспособленіе духовенству ввѣренныхъ имъ епархій; о чемъ, для должнаго исполненія, и послать по духовному вѣдомству печатные указы.

Во исполненіе сего указа, Тамбовское епархіальное начальство постановило: для составленія капитала, на уплату мѣстному Приказу Общественна-

го Призрѣнія, за пользованіе въ больницахъ онаго бѣд-
ныхъ лицъ духовнаго званія, чрезъ отдѣленіе по 1%
съ рубля отъ кошелековыхъ суммъ вѣсьхъ церквей
Тамбовской епархіи, начиная съ 1866 года, къ дол-
жному по сему распоряженію, со стороны настоя-
телей соборовъ и вѣдомственныхъ благочинныхъ,
припечатать въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомо-
стяхъ съ тѣмъ, чтобы означенная процентная сум-
ма, въ концѣ каждаго года безъ замедленія пред-
ставлялась въ Консисторію.

2) Отъ 8 Октября. О перемѣнѣ въ составъ чле-
новъ Тамбовской Духовной Консисторіи.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, со-
гласно представленію Его Преосвященства, Тео-
досія, епископа Тамбовскаго и Шацкаго, опре-
дѣлить: священниковъ г. Тамбова церквей: Ар-
хидіаконо-Стефановской Николая Аванасьева и
Успенской кладбищенской Николая Бодрова, со-
гласно ихъ прошеніямъ, и Архидіаконо-Стефанов-
ской же церкви Тимофея Бѣльскаго, по случаю
предположеннаго епархіальнымъ начальствомъ
соединенія двухъ экспедицій въ одну, уволить
отъ должностей членовъ Тамбовской Духовной
Консисторіи и опредѣлить таковыми на мѣста ихъ
протоіеревъ церквей: Институтской Варооломея
Щеглова и Покровской Павла Розанова.

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) Опредѣленіе на мѣста, перемѣщеніе и увольненіе священнослужителей.

Священникъ села Кочетовской слободы Козловскаго уѣзда Василій Боголюбскій, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, уволенъ заштатъ. На мѣсто его назначенъ во священника сынъ его, окончившій курсъ воспитанникъ Семинаріи Алексѣй Боголюбскій.

Къ новостроющейся церкви въ деревнѣ Сампуръ Тамбовскаго уѣзда, согласно желанію жителей этой деревни, перемѣщенъ бывшій ихъ приходскій священникъ села Текина благочинный Михаилъ Сперанскій; а его мѣсто въ Текинѣ предоставлено студенту Семинаріи Павлу Тамбовскому.

Села Текина священникъ Василій Смирновъ и села Канина Борисоглѣбскаго уѣзда Василій Кобяковъ, согласно прошенію, перемѣщены — одинъ на мѣсто другаго.

Города Лебедяни Покровской церкви священникъ Гавріиль Спѣсивцевъ померъ. На мѣсто его, согласно прошенію, перемѣщенъ Липецкаго уѣзда села Большаго Самовца священникъ благочинный Александръ Платоновъ. Въ Самовцѣ же священническое мѣсто предоставлено студенту Семинаріи Федору Хорошеву.

2) Опредѣленіе въ должности

По вѣдомству благочиннаго Кирсановскаго уѣзда Федора Лысогорскаго, въ должности духовника, согласно выбора мѣстнаго духовенства,

утвержденъ священникомъ села Сухаго Каланса Семень Быстровъ. Въ такую же должность по вѣдомству благочиннаго села Чигорака Борисоглѣбскаго уѣзда, утвержденъ, согласно выбору духовенства, священникъ села Чигорака Яковъ Голубевъ.

3) Исключеніе изъ духовнаго званія причетника, вслѣдствіе судебнаго о немъ приговора.

Дьячекъ села Темирава Елатомскаго уѣзда Алексѣй Дивѣйскій, рѣшеніемъ Тамбовской Палаты Уголовнаго суда, за кражу изъ кружки, принадлежащихъ церкви денегъ трехъ рублей, присужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, со взысканіемъ съ него 3-хъ руб. сер., для отдачи въ церковь села Демирава; въ похищеніи же изъ церкви еще семи рублей оставленъ только въ сильномъ подозрѣніи. Епархіальное на чальство, по разсмотрѣніи таковаго рѣшенія, нашло оное съ обстоятельствами дѣла и законами согласнымъ и потому опредѣлило: дьячка Дивѣйскаго, исключивъ изъ духовнаго званія, донести о семъ Святѣйшему Синоду.

II

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ТАМБОВСКОЙ СЕМИНАРІИ.

Правленіе Тамбовской Семинаріи просятъ покорнѣйше О. о. Благочинныхъ выслать немедленно всѣ деньги, слѣдующія за Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 года, въ Редакцію сихъ вѣдомостей, такъ какъ остатокъ отъ суммъ ея можетъ значительно помочь экономіи Семинаріи и училищъ Тамбовской Епархіи.

По случаю поставленія памятника на могилѣ покойнаго Ивана Алексѣича Савостьянова и другихъ, близъ него похороненныхъ наставниковъ Семинаріи, бывшаго 12 Сентября сего 1865 года, мы считаемъ долгомъ заявить о послѣднихъ, полученныхъ ими, пожертвованіяхъ, въ прибавленіе къ пожертвованіямъ прежнимъ, заявленнымъ въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Съ послѣдняго припечатанія въ Вѣдомостяхъ пожертвованій на это дѣло, мы въ разное время получили жертвы отъ слѣдующихъ лицъ: 1, по корреспонденціямъ: отъ благочиннаго села Трескина Кирсановскаго уѣзда, Георгія Матвейча Пѣвницкаго 1 р. сер.; отъ діакона села Замастрицы, Лебединскаго уѣзда, Петра Ивановича Новикова 1 р.; отъ неизвѣстнаго 3 р.; отъ священника Козловскаго уѣзда, села Челнавскаго Острожка Тимофея Васильевича Фіолетова 50 к., и наконецъ изъ г. Ставрополя, Кавказской губерніи,

церкви св. Великомученицы Варвары, отъ священника Ѳедора Пospьлова 10 р. сер. (*) 2) Лично намъ сообщили пожертвованія слѣдующія лица. Наставники Тамбовской Семинаріи: Дмитрій Николаевичъ Тростянской 3 р., Петръ Ильичъ Преображенскій 2 р., Никаноръ Дмитриевичъ Маловъ 1 р., Михайль Петровичъ Кадомскій 3 р. бывшій наставникъ Семинаріи, нынѣ гражданскій чиновникъ, Василій Осиповичъ Пospьловъ 5 р.; смотритель 1-го Тамбовскаго д. училища, протоіерей Іоаннь Андревичъ Москвинъ 3 р., смотритель 2-го Тамбовскаго училища Михайль Борисовичъ Козминъ 1 р., Инспекторъ тогоже училища Тимофей Лаврентьевичъ Вознесенскій 1 р. и учителя тогоже училища: священникъ Григорій Семеновичъ Смирновъ 1 р., священникъ Іоаннь Іоанновичъ Новосельскій 1 р. священникъ Алексѣй Ивановичъ Архангельскій 1 р., учитель Никита Ивановичъ

(*) Намъ пріятно заявить имя этого благороднаго жертвователя, принадлежавшаго, какъ видно изъ списковъ покойнаго Савостьянова, къ 1-му курсу это воспитанниковъ, слѣдов. чрезъ 30 сличкомъ лѣтъ незабывшаго своего Наставника. Онъ случайно, какъ пишеть въ письмѣ, узналъ о строящемся памятникѣ и съ радостію принесъ свою жертву. По этому случаю мы пожалѣли, хотя поздно, что наше заявленіе о памятникѣ Савостьянову чрезъ Епарх. Вѣдомости не достигло многихъ людей внѣ нашей епархіи, бывшихъ лучшими воспитанниками Савостьянова, которымъ, безъ сомнѣнія, доселѣ дорого его имя. Таковы напр. преосвященный Веніаминъ, Викарій Иркутскій; протоіерей г. Мелвзгиска, Оренб. г., Василій Ів. Петровъ; бывшій профессоръ Казанской Д. Академіи; нынѣ законоучитель Гимназіи въ Казани, Михайль Мих. Зефировъ. Все эти лица, одного курса Тамб. Семинаріи, лучшіе ученики Савостьянова, послѣ Семинаріи съ отличіемъ кончили курсъ въ Казанской Д. Академіи.

Убранцевъ 2 р., учитель Иванъ Петровичъ Поповъ 1 р. и учитель Николай Михайловичъ Козминъ 1 р.; — г. Моршанска священникъ Нилолай Петровичъ Пономаревъ 3 р., г. Кирсанова священникъ Алексѣй Феодоровичъ Кандидовъ 1 р.; чиновники гражданскіе, служащіе по разнымъ министерствамъ въ Тамбовской губерніи, бывшіе ученики Савостьянова, жертвовали:—Петръ Ивановичъ Каменскій 11 р., Петръ Андреевичъ Жемчужниковъ 15 р., Константинъ Степановичъ Вяжлинскій 6 р., Алексѣй Ефимовичъ Розовъ 5 р., Аркадій Григорьевичъ Мачильскій 5 р., Андрей Васильевичъ Державинъ 5 р., Петръ Михайловичъ Гренковъ 3 р., Николай Ивановичъ Охотинъ 3 р., Гавриль Ефимовичъ Ефимовичъ 3 р. и Петръ Федоровичъ Спѣсивцевъ 3 р.—

И того отъ поименованныхъ жертвователей собрано 105 р. 50 к. сер. Прежнихъ пожертвованій по двумъ, припечатаннымъ въ Т. Е. Вѣдомостяхъ отчетамъ, было 131 р. 77 к. Такимъ образомъ всей суммы, жертвованной на памятникъ, составила 237 р. 27 к. сер. Въ началѣ текущаго года чугунный памятникъ на могилу Ивана Алексѣича и его покойныхъ сослуживцевъ заказанъ былъ въ г. Липецкѣ, на заводѣ купцовъ Миловановыхъ, съ чугуною же рѣшеткою, съ условіемъ отлить и доставить памятникъ въ Маѣ мѣсяцѣ сего года. Но вѣлѣдствіе разныхъ недоразумѣній, особенно касающихся надписей на памятникѣ, отлитіе памятника замедлено, и памятникъ доставленъ уже въ Тамбовъ 8-го Сентября, и 12 совершенно было его освященіе. Памятникъ, по сужденію постороннихъ лицъ, красивый рисунокъ

комъ, отдѣланъ чисто, изящно, въ чемъ нужно отдать справедливость гг. Миловановымъ. А благодаря благородному участию въ нашемъ дѣлѣ образованнаго священника г. Липецка Семена Дмитріевича Пескова, къ которому мы нарочито относились письменно, и надписи вылиты на памятникъ четко и правильно. Изъ собраннаго, вышеозначеннаго капитала, за отлитіе памятника съ рѣшеткою и доставку, заплачена условленная сумма 180 р сер. Подъ памятникъ сдѣлано кирпичное основаніе на пространствѣ болѣе 15 кв. аршинъ, что со всеми расходами стоило 26 р. 40 к. На этомъ основаніи поставленъ теперь памятникъ съ рѣшеткою, по возможности обнимающею всѣ могилы похороненныхъ близъ Ивана Алексѣича наставниковъ семинаріи. Такимъ образомъ 206 р. 40 к. стоило все дѣло устроенія памятника. Остатокъ изъ показанной выше суммы употребленъ на освященіе памятника и поминовеніе покойныхъ наставниковъ.

Въ заключеніе благодаримъ Г. г. жертвователей, способствовавшихъ осуществленію добраго дѣла. Жертвователей — жителей не г. Тамбова просимъ, при первомъ прибытіи въ Тамбовъ, посѣтить могилу наставниковъ семинаріи, на Успенскомъ кладбищѣ. Эту могилу теперь легко отыскать, благодаря вашимъ же, Г. г. жертвователи, посильнымъ лептамъ. Такъ — пройдите, отцы и братіе, до этой могилы, поклонитесь праху наставниковъ, которыхъ, конечно, вы не забываете и во всегдашнихъ вашихъ молитвахъ!!

И. Сладкопѣвцевъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ДУХОВНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ

въ 1866 году:

1) ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ

Православный Собесѣдникъ, издающійся при казанской духовной академіи, по распоряженію Святѣйшаго Синода, съ 1855 года, и выходявшій въ первые три года (1855, 1856 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно — по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1866 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го Января, ежемѣсячно, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

Православный Собесѣдникъ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ исключительно изъ *приложеній*, а вторая — преимущественно изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно *Православный Собесѣдникъ*.

Изъ двѣнадцати книжекъ второй половины *Православнаго Собесѣдника*, по окончаніи года, составитя три тома, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Цѣна за полное годовое изданіе *Православнаго Собесѣдника* на 1866 годъ, со всеми приложеніями къ нему, остается прежняя: въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во все мѣста Имперіи —

Семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани въ редакціи *Православнаго Собесѣдника* при духовной академіи.

ВЪ ТОЙ ЖЕ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ

ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ЦѢНАМЪ

И СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

А. Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ книжекъ: за 1855, 1856 и 1857 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб., за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 6 руб., а 1865 годъ (12 книгъ) 7 руб. сер.

Б. Отдѣльно отъ приложений:

1. Православный Собесѣдникъ за 1855 г. (гдѣ, между прочимъ, статья: «день святой жизни»). Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

2. Православный Собесѣдникъ за 1856 годъ. Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

3. Православный Собесѣдникъ за 1857 годъ (гдѣ, между прочимъ, «молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровскаго»). Одинъ томъ. Цѣна 2 руб.

4. Православный Собесѣдникъ за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годы, по три тома въ каждомъ, по 4 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ Православнаго Собесѣдника приложение къ нему:

1. Посланія св. Игнатія Богоносца (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 руб.

2. Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Теофилакта, архіепископа Болгарскаго, на св. Евангелія — Матѳея и Марка (съ предисловіемъ). Два тома. 1855—1857. Цѣна 3 руб. за оба тома.

3. Святаго отца нашего Григорія Двоеслова собесѣдованія о жизни Италійскихъ отцевъ и

о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб. 50 коп.

4. *Дѣянiя Вселенскихъ соборовъ*. Три тома. 1859 — 1864. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за всѣ три тома 10 руб.

5. *Посланiя Игнатiя*, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго (съ предварительными замѣчанiями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

6. *Просвѣтитель или обличенiе ереси жидовствующихъ*. Творенiе преподобнаго отца нашего Юсифа, игумена Волоцкаго (съ обширнымъ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1855 — 1857. Цѣна 2 руб. 50 коп.

7. *Сочиненiя преподобнаго Максима грека* (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

8. *Стоглавъ* (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб. 50 коп.

9. *Сочиненiе инока Зиновiя: истины показанiе къ вопросившимъ о новомъ ученiи* (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 4 руб.

10 *О причинахъ раздѣленiя главныхъ раскольническихъ сектъ* (поповщины и безпоповщины) на многіе мелкіе толки. Одинъ томъ. 1857. Цѣна 1 руб.

11. *Портретъ патрiарха всероссійскаго Іоакима*. Цѣна 20 коп.

2) РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ.

Журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей,» издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1866 году, и начнетъ съ 1-го генваря седьмой свой годъ.

Въ этомъ журналѣ, спеціально и исключительно предназначенномъ для сельскихъ пастырей, будетъ помѣщаемо все, что можетъ и должно быть интереснымъ для нашего сельскаго духовенства. Избравъ однажды особенную цѣль—способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высочомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, «Руководство для сельскихъ пастырей» будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году оно будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держалось до сихъ поръ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соответствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Къ участию въ изданіи приглашаются всѣ, кому дорого благо цевкви и народа русскаго, кому знакомы бытъ и нужды сельскаго духовенства и духовно-нравственныя потребности простаго народа, особенно же священники.

«Руководство для сельскихъ пастырей» выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ

8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на мѣсть 4 руб., съ доставкою на домъ и пересылкою во все мѣста внутри Россіи 5 рублей серебромъ. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1866 года.

—

**О пожертвованіи въ пользу погорѣвшихъ
жителей г. Козлова.**

Въ теченіи минувшаго Октября мѣсяца поступило въ Консисторію въ пользу погорѣвшихъ жителей г. Козлова отъ благочинныхъ съ подвѣдомымъ имъ духовенствомъ: 1) отъ протоіерея г. Кирсанова Гавріила Колаисовскаго 1 руб. 2) отъ отъ священника того же уѣзда села Курдина Федора Лысогорскаго 1 руб. и 3) отъ священника села Волхонщины Моршанскаго уѣзда Алексѣя Васильевскаго 7 руб. 30 коп.

Съ дозволенія цензуры. 24 Ноября 1865 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Государ. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 ДЕКАБРЯ.

№ 23.

1865 г.

Разказы изъ библейской исторіи — Израильтяне на границахъ земли обѣтованной. — Философскія размышленія о религіи христіанской: — о необходимости вторичнаго окрovenія. — Некрологъ. —

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Израильтяне на границахъ земли обѣтованной.

Въ послѣднемъ разказѣ мы остановились на томъ, что Израильтяне дошли до земли обѣтованной; теперь посмотримъ, что было далѣе.

Когда Израильтяне остановились не вдалькѣ отъ Мертваго моря—на предѣлахъ земли Ханаанской, въ которой жили Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ и которую Богъ неоднократно обѣщаль отдать имъ и потомству ихъ въ вѣчное наслѣдіе, Моисей говоритъ имъ: «вотъ предъ вами та земля, которую *Господь Богъ нашъ* даетъ вамъ! *Вшедше* наслѣдите; не бойтесь, не ужасайтесь (Втор. 1, 21). Израильтяне сказали Моисею: пошлешь прежде осмотрѣть ее, какова она. Предложеніе это понравилось Моисею. Богъ велѣлъ ему выбрать на это дѣло 12 мужей—изъ každаго колѣна по человѣку.

Моусей выбралъ и, посылая осматривать, говорилъ имъ: «ступайте осмотрите землю, какова она, сколь сильны и многочисленны тамъ народы, каковы города, укрѣплены или нѣтъ, что растеть тамъ и постарайтесь принести оттуда плодовъ»; время же была весеннее и начинали только поспѣвать ягоды. Соглядатаи, въ числѣ которыхъ были сдѣлавшіеся со временемъ знаменитыми, Иисусъ Навинъ и Халевъ, отправились осматривать землю, назначенную Богомъ для постоянного жительства потомковъ Израиля. Посмотримъ и мы, что это была за земля.

Обѣтованною землею называлась земля *Ханаанская*, населенная потомками *Ханаана*, четвертаго сына *Хамова*: она также называлась, и доселѣ называется *Палестиною*, отъ имени господствовавшаго тамъ народа *Филистимлянъ*, происшедшаго тоже отъ Хама (Быт. 10, 14). Она занимала пространство отъ *Великаго т. е. Средиземнаго моря до Иордана*, въ длину около 300, а въ ширину не много болѣе 100 верстъ; но Израильтяне и по другую сторону Иордана, какъ увидите послѣ, заняли почти такое же пространство. Земля обѣтованная была щедро надѣлена Творцемъ дарами природы; это была земля, по словамъ Божіимъ, *кипящая медомъ и млекомъ*. Она была плодотворнѣйшая и пріятнѣйшая въ мірѣ. Ее украшали величественныя горы и прекрасныя долины съ богатыми лугами и обширными виноградниками и садами. Въ лѣсахъ ея росли огромной высоты кедры и кипарисы, душистыя пальмы и маслины. Въ ущельяхъ горъ ея водились пчелы и давали жителямъ множество меда. Поля ея производили въ изобиліи пшеницу и ячмень. Луга ея роскошно питали многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота. По этому неудивительно, что въ столь малой землѣ, но столь богатой произведеніями природы,

такъ много жило народа. Впрочемъ по нынѣшнему ея состоянію нельзя судить о тогдашнемъ ея богатствѣ. Ее еще до пришествія Иисуса Христа опустошали враги и вѣншіе и внутренніе; а со времени пришествія Его на нее легла печать гнѣва Божія. Какъ бы въ отмщеніе за убіеніе въ ней Спасителя міра, опустошали ее огнемъ и мечемъ безъ всякой пощады сначала Римляне, потомъ попеременно: Персы, Арабы и Турки, и вотъ болѣе двѣнадцати вѣковъ она находится подъ гнетомъ варварскихъ народовъ. Теперь въ Палестинѣ нѣтъ и десятой доли прежняго ея богатства; а потомковъ Израиля почти и совсѣмъ нѣтъ, они разсѣялись по лицу всей земли. Теперь ее населяютъ: Арабы, Турки, Египтяне, Друзы, Армяне и христіане разныхъ народовъ и вѣроисповѣданій. — Во времена Моисея въ землѣ обѣтованной жили народы, происшедшіе отъ 11 сыновъ Ханаана и назывались ихъ именами (Быт. 10, 15—18), а именно: *Сидоняне, Амаѳеяне, Гергесеяне, Самаряне, Евсеяне, Амморейяне, Іевусеяне, Хеттеяне, Асенеяне, Арукіяне и Арадіане*. По сосѣдству съ ними, и частию между ними, жили народы, происходившіе отъ другихъ сыновъ Хама, отъ Лота, отъ Измаила и отъ сыновъ Хеттуры, второй жены Авраама. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ были: *Филистимляне, Моавитяне, Аммонитяне, Измаильтяне, Мадіанитяне и Амаликитяне*. — Земля обѣтованная гориста; цѣпь *Ливанскихъ горъ* со многими своими отраслями проходитъ ее всю вдоль. Знатнѣйшія части этихъ горъ суть: *Ѡаворъ, Ермонъ, Кармилъ*, — горы *Иудейскія* или *Амморейскія* и части ихъ: *Елеонъ, Сіонъ, Морія и Голгова*, — горы *Ефремовы* и части ихъ: *Гелвуй, Гевалъ и Гаризинъ*. Горы же *Даваримскія* и *Галаадскія* находятся на той сторонѣ Іордана — вѣдъ предѣловъ этой земли.

Большая часть этихъ горъ были покрыты лѣсами, въ которыхъ водились тигры, львы и леопарды. Рѣкъ въ этой землѣ много, но они невелики и незначительны и называются потоками; нѣкоторыя изъ нихъ, падая съ горъ, по временамъ пересыхаютъ. Перечислять ихъ подробно нѣтъ надобности; но объ Иорданѣ нельзя умолчать. Эта знаменитая рѣка, въ струяхъ которой изволилъ, ради нашего спасенія, креститься Иисусъ Христосъ, вытекаетъ изъ небольшого озера при подошвѣ Анти—Ливанскихъ горъ, проходитъ всю обѣтованную землю вдоль — по границѣ ея, наливаетъ на пути своемъ двѣ котловины или низменности и дѣлаетъ два озера, одно небольшое — *Мерронъ*, а другое *Геннисаретское*, оно же *Тевериадское и Галилейское море*, которое простирается на 25 въ длину и на 7 верстъ въ ширину и до 9 сажений въ глубину, и — впадаетъ въ *Мертвое море*. Другихъ озеръ въ Палестинѣ нѣтъ. Мертвое море, образовавшееся на мѣстѣ погибшихъ нечестивыхъ городовъ: Содомы, Гоморры, Адамы и Сеоима, занимаетъ пространство въ длину 90, а въ ширину 25 верстъ. Вода его до чрезвычайности горька и солна, и отъ того въ немъ нѣтъ ни одного живаго существа. На берегахъ его тамошніе жители собираютъ горную смолу и куски соли, отъ чего оно и называется *Асфальтовымъ моремъ* и *Соленымъ озеромъ*. — Вотъ вамъ, православные, краткое понятіе о землѣ обѣтованной!

Посланные Моисеемъ соглядатаи, осматривая обѣтованную землю, прошли почти всю ее насквозь; на возвратномъ пути они срѣзали виноградную вѣтвь съ кистию ягодъ, которая была такъ велика, что ее несли двое на жерди, и взяли нѣсколько смоквъ и гранатовыхъ яблоковъ. Въ сороковой день они возвратились въ станъ и рассказали все,

что видѣли. «Земля, говорили они Моисею, дѣйствительно хороша и богата, кипитъ *млекоу и медоу*, и вотъ какіе тамъ плоды растутъ; но народы, живущіе въ ней, мужественны и воинственны, а города велики и сильно укрѣплены; мы даже видѣли тамъ великановъ, предъ которыми мы казались саранчею.» За тѣмъ всѣ соглядатаи, кромѣ Иисуса Навина и Халева, прямо сказали, что нѣтъ никакой возможности завладѣть имъ этою землею и что идти туда значило бы идти на вѣрную гибель. Израильтяне отъ такихъ разсказовъ пришли въ отчаяніе, подняли плачь и крикъ и взбунтовались противъ Моисея и Аарона. «О, зачѣмъ не померли мы въ Египтѣ, говорили они! Господь привелъ насъ сюда, чтобы истребить насъ мечами непріятелей, а нашихъ женъ и дѣтей отдать имъ въ добычу; лучше возвратиться намъ въ Египетъ»; и начали сговариваться выбрать себѣ старѣйшину и идти въ Египетъ. Моисей, думая утишить волненіе, говоритъ народу: *не ужасайтесь, ниже убойтесь отъ нихъ. Господь Богъ вашъ предходяй предъ лицемъ вашимъ, Той повоюетъ ихъ съ вами* (Втор. 1, 50); за тѣмъ указалъ имъ на чудеса сотворенныя для нихъ Богомъ въ Египтѣ и въ пустынѣ; но народъ не слушалъ Моисея. Иисусъ Навинъ и Халевъ тоже пытались успокоить народъ, внушая ему надежду на помощь Божию; но за эту попытку едва не заплатились своею жизнію,—ихъ хотѣли побить камнями. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ бунтъ, если бы не явилась надъ скиніею въ виду всѣхъ *слава Господня во облацѣ*. Богъ говоритъ Моисею: «доколѣ эти люди не перестанутъ преогорчевать Меня? Когда они увѣрятся Моими чудесами въ Моемъ всемогуществѣ? *Норазу ихъ смертію и погублю ихъ*; а отъ тебя произведу народъ многочисленнѣе этого.» Но Мок-

сей началъ умолять Господа пощадить ихъ ради славы Своего имени, да не рекутъ вси языци: не возможе Господь людей своихъ ввести въ землю, о нейже кляхся имъ. Остави грѣхъ людемъ симъ, говорилъ Моисей, по велицѣй милости Твоей, якоже милостивъ былъ еси имъ отъ Египта даже до нынѣ. Богъ принялъ молитву Моисея и обѣщался не истреблять рода Израилева вконецъ; но такъ какъ Израильтяне уже не въ первый разъ (преступленія ихъ въ пустынѣ прекрасно изображаетъ Давидъ Пс. 105, 7—39) искушаютъ Его долготерпѣніе: то осудилъ ихъ на сорокалѣтнее странствованіе, въ продолженіе котораго всѣ, кои не надѣялись жить въ землѣ обѣтованной и принимали участіе въ возмущеніи, должны были умереть внѣ ея—въ пустынѣ; а войти въ нее суждено было только Иисусу Навину, Халеву и дѣтямъ какъ тѣмъ, которыя въ то время имѣли не болѣе 20 лѣтъ и не участвовали въ возмущеніи, такъ и тѣмъ, кои народятся во время странствованія. Моисей передалъ этотъ приговоръ Божій народу. Народъ плакалъ и раскаявался; но тщетно. Десятеро соглядатаевъ, которые разказами своими о непобѣдимости Ханаанскихъ народовъ привели въ отчаяніе Израильтянъ, и потому были причиною возмущенія, и первые отказались идти въ землю обѣтованную, первые всѣ вдругъ въ тотъ же день были поражены смертію. Израильтяне покушались силою вторгнуться въ землю обѣтованную; Моисей не совѣтовалъ имъ идти противъ воли Божіей и предсказывалъ имъ несбыточность ихъ замысловъ; но они его не послушались и въ слѣдующій день рано утромъ собрались и пошли. Амаликитяне и Ханааняне сразились съ нами, разбили и прогнали ихъ. Съ великимъ стыдомъ и немалымъ урономъ возвратились они въ станъ.—Сколь долго Израиль-

тяне послѣ этого стояли на границахъ земли обѣтованной, мы не знаемъ; знаемъ только, что они пошли назадъ и передвигаясь, послѣ долговременныхъ остановокъ, то въ ту, то въ другую сторону, опять были около Чермнаго моря, хотя и не въ томъ мѣстѣ, гдѣ переходили его (*), и что черезъ *тридцать и осмь лѣтъ* померъ *весь родъ мужей воинскихъ* (Втор. 2, 14), не надѣявшихся быть въ землѣ обѣтованной, и тогда Богъ повелѣлъ имъ идти опять къ тому мѣсту, откуда посылали соглядаетъ (Чис. гл. 13, 14).

Вотъ какъ пагубно, возлюбленные, терять надежду на Бога и предаваться малодушію и отчаянію! Израильтяне устрашились потомковъ Хаанаана, думали, что ихъ силы недостаточно будетъ одолѣть ихъ, а то забыли, что ихъ *помощникъ Богъ Іаковль* (Пс. 145, 5), Который уже нѣсколько разъ избавлялъ ихъ отъ гибели, забыли и возроптали на свою участь и возмутились противъ посланника Божія — Моисея, и за то должны были всѣ умереть въ пустынь. Но *сія вся писана быша въ наученіе наше* (1 Кор. 10, 11). Эта страшная участь Израильтянъ научаетъ насъ тому, что мы всегда и во всѣхъ дѣлахъ своихъ, во всѣхъ предпріятіяхъ и начинаніяхъ, во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни должны полагаться не на себя или на людей, не на свои силы или на богатство; а на помощь Божію; ибо *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* (Пс 146, 1). *Безъ Мене не можете творити ничесоже*, говоритъ Спаситель (Іоан. 15, 5). И потому всегда и во всемъ прежде всего и болѣе

(*) Чис. 33, 35. *Ополчишася въ Гессіанъ—Гаверь.*

Станъ этотъ былъ близъ Эланитскаго залива, на сѣверной оконечности Чермнаго моря.

всего призывай Бога на помощь и ни когда не теряй надежды на Него; ибо *надвѣющійся на Господа, яко гора Сионъ, не подвижится во вѣкъ. Господь окрестѣ людей Своихъ отъ нынѣ и до вѣка* (Пс. 144, 12). Какія бы трудности тебѣ ни предстояли, *открый ко Господу путь твой, уповай на Него, и Той сотворитъ* (Пс. 36, 5). Тебя обуреваютъ соблазны, плоть, міръ и діаволь усиливаются грѣховною стрѣлою уязвить твою душу; борись, не ослабѣвай и взывай ко Господу: *Боже мой, избави мя изъ руки грѣшнаго, изъ руки законопреступнаго и обидящаго* (Пс. 70, 4); *яко Ты еси упованіе мое, столпъ крѣпости отъ лица вражія* (Пс. 60, 5). Тебѣ совѣсть рисуетъ твои грѣхи, приводитъ на память цѣлый рядъ беззаконій и, быть можетъ, весьма тяжкихъ; не отчаявайся, а молись Бѣгу и говори: *помилуй мя, Боже, помилуй мя: яко на Тя упова душа моя, и на спѣнь крылу Твою надвѣюся, дондеже преидетъ беззаконіе* (Пс. 56, 2). Тебя мучитъ скорбь, потеря милыхъ сердцу, или другая какая либо утрата назѣваетъ на твою душу грусть и тоску; не малодушествуй, но вздыхай ко Господу и говори: *вскую прискорбна еси душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога* (Пс. 41, 12). Тебя мучатъ скорби и болѣзни тѣлесныя; не ропщи, а проси Бога и говори: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь: исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя* (Пс. 6, 5). Тебя тревожатъ недостатки, бѣдность и нищета угнетаетъ тебя; *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. 54, 25). На тебя нападаютъ враги, жизнь твоя въ опасности; мужайся, крѣпись и взывай ко Господу: *на Тя, Господи, уповахъ: Ты еси Богъ мой. Въ руку Твоею жребіи мои; избави мя изъ руки врагъ*

моихъ. Спаси мя милостію Твоею (Пс. 50, 15—17). Короче: всегда и во всемъ жди помощи отъ Бога, уповай на Него и молись Ему, говоря: не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене; вонми въ помощь мою (Пс. 57, 22). Господи! не удали помощь Твою отъ мене. (Пс. 21, 20).

Священникъ *Оеофилактъ Стандровскій.*

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВТОРИЧНАГО ОТКРОВЕНІЯ.

Если бы рационализмъ начался вѣсть съ родомъ человѣческимъ, то, вѣроятно, истина не могла бы процвѣтать на землѣ ни одного дня. Это небесное произрастѣніе было бы подавлено въ самомъ его зародышѣ; и идолопоклонство и различныя виды развращенія помрачили бы въ нашихъ глазахъ самую зарю творенія (*). Но долгое время родъ человѣчскій не зналъ внаго ученія, кромѣ ученія преданія и подъ его руководствомъ жилъ въ простотѣ вѣры и повиновенія единому Богу, Творцу,

(*) Впрочемъ очень справедливо и то, что начало философіи рационалистической, а съ ней и стремленіе рода человѣческаго къ идолопоклонству и нечестію воеходятъ къ самымъ первымъ временамъ міра. «Не такую философію приняли отъ Адама, даваго иже на вещамъ, а это та, которую приняли отъ змія; ибо со времени паденія разумъ человѣчскій сдѣлался вполнѣ языческимъ» (Malebr. Recher. de la vérité, 2-e par, liv. VI). Но ядъ, внесенный въ душу человѣческую тѣмъ, отъ кого въ первый разъ послышалось *почему и для чего это*, только мало по малу проникалъ и заражалъ массу рода человѣческаго. Мы впрочемъ оставляемъ эту мысль въ резервѣ.

Промыслителю и Мздовоздающему. Уже впоследствии, когда люди, какъ говоритъ Діодоръ Сицилійскій, перестали слѣдовать наставленіямъ отцевъ своихъ и отдались произволу собственной пытливости и догадокъ, тогда потрясены были первобытныя истины религіи, сообщенныя Богомъ; а разумъ человѣческой помрачился густыми испареніями сомнѣнія и чувственности, вслѣдствіе чего произошли всякія суевѣрія и утопіи, и всѣ крайности идолопоклонства и софистической философіи. Истина мало по малу стала измѣняться, смѣшиваться съ заблужденіями и искажаться. Заблужденіе проникало, пріобрѣтало довѣріе и вездѣ укоренилось. Конечно, между истиною и заблужденіемъ велась продолжительная борьба. Мудрецы, вооруженные преданіемъ, поражали заблужденіе такимъ же порядкомъ, какъ и церковь христіанская поражаетъ всякую ересь, выставя въ обличеніе ея собственную ея *новизну*; но они не имѣли возможности выполнять это съ такою же, какъ церковь, рѣшительностію и постоянствомъ. Ибо истины религіозныя, хранившіяся въ преданіи, не были поставлены подъ такое благонадежное охраненіе, какъ въ церкви христіанской, которая своимъ единодушнымъ соборнымъ авторитетомъ, единымъ для всѣхъ христіанъ и неизмѣннымъ на всѣ времена, не только хранитъ богопреданныя истины во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности, но опредѣляетъ и разъясняетъ ихъ истинный смыслъ и значеніе, и чрезъ непрерывно продолжающееся преемство пастырей, нарочито избираемыхъ и посвящаемыхъ на служеніе, сообщаетъ и распространяетъ вѣрныя познанія о нихъ между всѣми членами своими. Между тѣмъ какъ въ преданіи народномъ истины религіозныя были раздроблены, и оставались въ памяти народовъ безъ единодуш-

наго охранительнаго надзора, не имѣя для себя другой опоры, кромѣ свидѣтельства о ихъ древности, болѣе или менѣе неопредѣленнаго и разнообразившагося у разныхъ народовъ. Сначала было легко доказывать ихъ древность; но мало по малу и заблужденіе, въ свою очередь, начало становиться древнимъ и потрясать истину на зыбкой и неопредѣленной почвѣ преданія; оно старалось, какъ мы видѣли, придавать себѣ вымышленную древность, когда еще слишкомъ ясно недоставало ему древности подлинной, и наконецъ не встрѣчая противъ себя неусыпнаго обличителя, который бы всегда и вездѣ разоблачалъ его лжеумышленные посягательства, оно достигло такого успѣха въ преслѣдованіи и подавленіи своей соперницы, что когда сія послѣдняя захотѣла возстановить свои давнія права, въ свою очередь сама была обвиняема въ новизнѣ; и Сократъ за исповѣданіе единства высочайшаго Существа, какъ за покушеніе ввести новыхъ боговъ, осужденъ былъ выпить ядъ.

Тогда истина укрылась подъ мантию нѣкоторыхъ мудрецовъ, уже защищавшихъ ее перѣшительно и съ сомнѣніями и *подавлявшихъ истину неправдою*, какъ обличалъ ихъ впоследствии св. Апостоль Павелъ. Они то принимали ее, то расходились съ нею, примѣсью къ ней своихъ вымысловъ и особенно своими дѣлами унижали и безчестили ее, увлекаемые общимъ потокомъ развращенія, среди котораго они представлялись какъ бы одинокими. А когда расплодившіеся въ Аѳинахъ и Римѣ софисты, жившіе однимъ искусствомъ все защищать и о всемъ спорить, распространили повсюду мракъ сомнѣнія, тогда ослѣпленный разумъ человѣческій обратилъ истину въ предметъ празднои и преступной забавы и имя философа сдѣлалось однозначущимъ съ именемъ шута и фигля-

ра,—дармоѣда, питающагося на чужой счетъ. Раз-
 вращеніе шло рядомъ съ этимъ святотатственнымъ
 посягательствомъ на неприкосновенность истины;
 гдѣ размножались софисты, тамъ и у философовъ
 пропорціонально размножались суевѣрія, въ ихъ
 жизни усиливалось развращеніе; ибо ничто столь-
 ко не даетъ простора сердечнымъ пожеланіямъ
 развиваться вопреки святости закона, какъ нерѣ-
 шительность сомнѣвающагося разума, и ничто въ
 такой степени не размножаетъ сомнѣній и недоу-
 мѣній разума, какъ злоупотребленіе его независи-
 мостію.

Съ другой стороны, древняя философія, кромѣ
 своей неопредѣленности, отсутствія въ ней един-
 ства и непрестанныхъ превращеній въ своихъ си-
 стемахъ, исключавшихъ взаимно одна другую, стра-
 дала великимъ недостаткомъ въ томъ отношеніи,
 что была слишкомъ отвлеченна и совершенно недо-
 ступна для разумѣнія большей части людей. Ре-
 лигія естественная, представляемая во всей ея чи-
 стотѣ, хотя бы въ томъ видѣ, какъ нами она из-
 ложена, заключала бы уже, сама по себѣ, труд-
 ности къ ея уразумѣнію для умовъ, погрязшихъ
 въ мелочныхъ заботахъ житейскихъ и далеко у-
 клонившихся отъ первоначальной естественной про-
 стоты. Чтобы истины сверхчувственные и сверхъ-
 естественныя могли быть введены въ общество,
 распространяться и держаться въ немъ и, неизмѣ-
 няясь сами въ себѣ, проникать его жизнь и уп-
 равлять всѣми ея дѣйствіями, для этого необходи-
 мо, чтобы онѣ предлагались обществу совершенно
 готовые, облеченныя, такъ сказать, въ плоть, въ
 чувственные, для всѣхъ понятныя, символы, и дѣй-
 ствовали на общество священнымъ авторитетомъ,
 всѣми признаваемымъ и уважаемымъ. Люди самые
 опытные въ философіи, живущіе въ ея отвлечен-

постяхъ, сами имѣютъ нужду въ составленіи для нихъ образовъ, или плановъ вѣрованія и поведенія, чтобы, напримѣръ, останавливать непрестанныя уклоненія своего ума и находить въ нихъ готовое оружіе для противуборства тѣмъ внезапнымъ опасностямъ, которымъ подвергаетъ насъ слабость нашей природы. Древняя философія, еслибъ она сначала пришла въ согласіе съ самой собою, могла бы въ послѣдствіи, соединившись съ общественнымъ богослуженіемъ, сообщить ему свой духъ, а отъ него заимствовать для себя формы, и чрезъ то управлять обществомъ (*); но собственно-то между философіею и религіею у древнихъ была такая противоположность, какъ ни въ чемъ больше. Философія вела подземную войну противъ религіи, осмѣивая ея суевѣрія; религія осуждала философію и давала ей ядъ за то, что она отвергала боговъ. Философія также очень часто имѣла слабость ронять свое достоинство и подрывать довѣріе къ себѣ тѣмъ, что общенародно приносила жертвы самымъ грубымъ суевѣріямъ, которыя должна была бы искоренять; и чрезъ это вмѣсто того, чтобы возстановлять связь богослуженія съ нравственностію, очищая и возвышая его обряды по духу нравственной чистоты, она своимъ снисходительнымъ участіемъ въ суевѣрныхъ обрядахъ, скрѣпляла какъ бы своею печатію союзъ богослуженія съ самыми чудовищными пороками. Отъ такихъ противорѣчій, отъ такого двоедушія, по самому существу дѣла, неотдѣлимо присущихъ философіи и религіи языческой, произошло то, что ни та, ни другая не могли поддержать общества, но естественно вели его только къ разрушенію:—философія по

(*) Попытка въ этотъ родъ позже была предпринята Неоплатониками, познакомившимися съ христіанствомъ

недостатку жизненныхъ выводовъ и приложений, религія по недостатку истинныхъ началъ; и что своимъ разобщеніемъ и противоборствомъ другъ другу они взаимно поставляли себя въ то жалкое состояніе нищеты и убожества, вслѣдствіе котораго философія необходимо склонялась къ атеизму, религія—къ суевѣрію, а обѣ вмѣстѣ къ самой необузданной чувственности; ибо атеизмъ снимаетъ узду со всѣхъ страстей, а суевѣріе ихъ возбуждаетъ. Такимъ-то образомъ родъ человѣческій, пустившись по скользкой покатоки заблужденія, суевѣрія и порока, съ возрастающею силою паденія стремился въ бездну, злоупотребляя къ своей гибели тѣми самыми средствами, которыя предназначались для его обузданія и исправленія (*).

Страшную картину развращенія и постоянно возрастающаго разложенія представляетъ намъ міръ языческій и особенно въ томъ состояніи, до котораго онъ дошелъ во времена имперіи Римской.

Тогда какъ нѣкоторые выпрєнные умы, каковы — Цицеронъ, Сенека, съ нѣкоторою отвагою и философскою неустрашимостію возвышались до того, что смѣло иногда высказывали свои вѣрова-

(*) Я уже окончилъ раскрытіе этой мысли о состояніи философіи и религіи въ древнемъ мірѣ языческомъ, когда съ невыразимою радостію, доставляемою сознаніемъ истины, нашелъ, что и современный этому состоянію язычества, христіанскій философъ произнесъ объ немъ такое же сужденіе, и почти тѣми же словами. Такое сближеніе достойно примѣчанія: «философія и религія боговъ были «разъединены и далеко стояли другъ отъ друга: ибо съ одной стороны были учителя мудрости, которые не считали нужнымъ вести къ богамъ, а съ другой представители религіи, отъ которыхъ «нельзя было научиться мудрости; очевидно, ни философія эта не «была истинною мудростію, ни религія такая—религіею истинною (Lactant. Instit. divin. lib. IV. c. 111, n. 1—2 ed. Cellar.)

нія въ единое, высочайшее Существо духовное; для народа, для общества, для міра, Богъ,—источникъ всей жизни правственной, всякаго порядка и всякой общежительности,—быль рѣшительно не извѣстнымъ, какъ и выражено это было прямо на фронтѣ одного храма въ Аѳинахъ: *невѣдомому Богу*.

Вездѣ господствовало, повсюду поражало взоры, наполняло воображеніе, составляло постоянную основу жизни отъ колыбели до могилы—идолослуженіе со всѣми своими принадлежностями,—съ обожаніемъ страстей и иногда самыхъ грубыхъ инстинктовъ животныхъ.

Мифологическія сказки, цвѣты которыхъ еще и теперь служатъ для одной потѣхи поэтической праздности, были тогда насущной дѣйствительностію, выставленною для поклоненія въ безчисленныхъ храмахъ, и ихъ вліяніе вездѣ преслѣдовало всякаго своимъ духомъ и дѣйствительно узаконяло всѣ развращенныя движенія сердца человѣческаго (*).

(*) Обыкновенно спрашиваютъ, самими ли божествами были идолы для язычниковъ, или только образами, представляющими божества? Но сомнѣніе въ этомъ отношеніи невозможно. Ямвлихъ посвятилъ цѣлое сочиненіе на защиту того вѣрованія язычниковъ, что статуи ихъ не только такъ называемыя *diotheli*, т. е. спадшія съ неба, но и сдѣланныя скульпторами, и купленные за деньги, чрезъ особое освященіе, становились личнымъ вмѣстелищемъ того или другаго бога или демона, которые съ сими статуями нераздѣльно соединялись. И самъ Прокль упоминаетъ о томъ освященіи, посредствомъ котораго статуи боговъ *одушевлялись* и превращались въ жилище божества (Procl., in Timoeum, IV, p. 240). Впрочемъ Квинтиліанъ говоритъ объ этомъ совершенно безусловно: *Haec priusquam dedicationis accipiant summam religionem, opera sunt tantum; dedicatio est illa, quae deum inducit, quae sede destinata locat*. (Quintil. Declamat. 322).

То совершенно достоверно, и въ томъ заключалось величайшее зло, что это идолослуженіе заняло мѣсто богослуженія, внушаемаго естественными законами нашей разумно-нравственной природы и потому замѣняло даже собою голосъ совѣсти и требованія нравственнаго чувства. При этомъ служеніи не требовалось, какъ обязательныхъ условій служенія Богу, ни правильныхъ познаній о природѣ и свойствахъ Божіихъ, ни повиновенія закону нравственному, ни чистоты сердца, ни святости жизни, ни раскаянія въ содѣянныхъ преступленіяхъ, ни заботливости объ исправленіи поведенія на будущее. Жрецы языческіе были нѣмы. — «Не было и рѣчи о томъ, что служить къ исправленію нравовъ, къ законному поведенію въ жизни, говорить Лактанцій, не заботились объ изысканіи истины, занимались только обрядами идолослуженія, въ которыхъ душа не находила своего удовлетворенія, и которые касались только одного тѣла» (*). Такимъ образомъ религія языческая не только не представляла никакого твердаго основанія для добродѣтели, а напротивъ не имѣла никакакой связи ни съ чѣмъ, въ чемъ было хоть сколько нибудь добродѣтели; и она одна вела уже къ самому крайнему развращенію, оставляя сердце совершенно открытымъ для всѣхъ оболъщеній со стороны страстей, а совѣсть ничѣмъ неогражденною противъ ихъ насплія.

Но еще больше зла дѣлала эта религія: она поощряла и усиливала жаръ и пылкость страстей тѣмъ, что выставляла ихъ интересы предметомъ сочувствія самаго божества, котораго власть должна бы служить къ ихъ обузданію и подавленію. Гордости и сладострастію, во всѣхъ ихъ страшныхъ

(*) Lactant. Instit. divin. L. IV, c. III, n. 1 — 2.

и постыдныя видахъ, вездѣ курился оніамъ и расточались похвалы. Множество боговъ было создано воображеніемъ съ самыми гнусными свойствами; имъ усвоили позорную славу самыхъ страшныхъ преступленій. Каковы же должны были образоваться и сложиться нравы и обычаи подъ влияніемъ такого богослуженія, которое все проникало и повсюду всасывалось въ жизни общественной, въ жизни семейной и въ жизни личной; потому что вездѣ были личности, зараженныя страстями, готовые воспринимать все его крайности, и когда небо и земля, боги и люди подавали другъ другу руки для того, чтобы поддерживать довѣріе къ нему и вездѣ его распространять.

Наслажденія и потѣхи чувственности и все неразлучные спутники ихъ, разнаго рода безчеловѣчія, доведены были до высшей степени. При ослѣпленіи ума и развращеніи сердца въ этомъ родѣ бывали вещи столь огромныя и чудовищныя, что мы не можемъ уже имѣть о нихъ понятія. Въ этой чувственности поглощалась, для насыщенія ея истрачивалась вполнѣ вся та сила ума и воли, которая, подъ одуховляющимъ влияніемъ христіанства, въ новѣйшія времена раскрывается въ столькихъ духовно-нравственныхъ подвигахъ, во множествѣ учрежденій нравственныхъ и религіозныхъ, въ научныхъ открытіяхъ, въ произведеніяхъ искусства и промышленности. Чувственное развитіе человека, повидимому, пріобрѣло такую же огромную воспріимлемость, какъ и воспріимлемость души; потому что душа всецѣло погрузилась въ чувственность; отсюда то происходили у древнихъ тѣ огромныя размѣры во вкусахъ, празднествахъ, наслажденіяхъ, которые, по сравненію съ нашими, намъ представляются принадлежностію иной природы гигантскихъ людей, уже не существующей на зем-

лѣ, если смотрѣть на нихъ только со стороны чувственной. Но эти же люди представляются пигмеями, если мы станемъ сравнивать ихъ съ нами относительно могущества мысли и познанія, относительно той высоты метафизической и нравственной, какой мы достигли и которая дитя нашего времени могла бы сдѣлать катихизаторомъ всѣхъ философовъ древности.

Болѣе двухъ третей образованнѣйшихъ странъ земли были проданы въ рабство и употреблялись единственно на то, чтобы служить чувственности осгальной трети (*). Одно уже это даетъ ужасное понятіе о презрѣннн челоѵѣка челоѵѣкомъ, о чрезмѣрной силѣ эгоизма и необъятности развращенія, имѣвшаго вытекать изъ такого положенія. Отсюда сколько совершалось открыто неслыханныхъ жестокостей и всѣ онѣ были въ обществѣ слѣдствіемъ обычаевъ, правовъ и законовъ! Господа имѣли неограниченную власть надъ рабами и могли по произволу бить ихъ нещадно, или предавать смерти (**). Указомъ императора Клавдія запрещалось истязывать раба единственно за то, что онъ старъ и немощенъ. Было также въ обычаѣ, для устранения

(*) «Если бы приказано было рабамъ носить особое платье, говорить «Сепека, то страшно стало бы небольшому числу свободныхъ. (De Clement., 1, 24).

(**) Пусть судятъ объ этомъ по слѣдующимъ выпискамъ изъ Горачія: «если ты приказываешь поднять на крестъ раба за то, что онъ, подавая блюдо, отвѣдалъ соусу, или нѣсколько надрѣзанной рыбы; то въ семь случаевъ не глупѣ ли ты Лабеопа? А вотъ этотъ поступокъ не глупѣ ли и преступнѣе еще больше?—Какой?—Твой другъ въ пьяномъ видѣ запыталъ праздничную постель, или опрокинулъ блюдо, и за это ты ненавидишь и убѣгаешь его, какъ будто дружокъ сдѣлался должникомъ!» (1, Sat. III).

отъ себя подобной непріятности, бросать такихъ несчастныхъ на одномъ изъ острововъ Тибра; и тѣмъ же указомъ предоставлялась уже свобода рабамъ, которые, будучи брошены такимъ образомъ, послѣ выздараивали. Эта чудовищная сдѣлка закона съ безчеловѣчными правами служить мѣрою всей силы ихъ развращенія. Законъ Константина Великаго (изданный 512 г.), который, по единодушному признанію всѣхъ историковъ, составляетъ начало введенія духа христіанскаго въ законодательство римское, обуздываетъ крайности власти господъ надъ рабами и даетъ намъ возможность составить понятіе о томъ, до чего доходили эти крайности. «Каждый господинъ, говоритъ Императоръ, долженъ пользоваться своимъ правомъ умѣренно, и какъ челоуѣкоубійцу надобно судить того, если кто самоправно убиваетъ своего раба ударомъ палки или камня; или конемъ наноситъ ему смертельную рану; или вѣшаетъ его петлею, или отравляетъ ядомъ, или отдастъ тѣло его на терзаніе когтями свирѣпныхъ животныхъ; или раскаленными углями выжигаетъ раны на его членахъ и пр. и пр.» Перо притупляется отъ исчисления всѣхъ этихъ страшныхъ жестокостей.

Даже тѣ, кому надлежало бы просвѣщать и вразумлять свой вѣкъ насчетъ этихъ чрезмѣрныхъ крайностей, сами смотрѣли на нихъ и совершали ихъ съ такимъ холоднымъ прямодушіемъ, которое заставляетъ невольно содрогаться. «Наши рабы — это наши враги,» говорилъ Катонъ; это жестокосердое изреченіе служило извиненіемъ всему несправедливому звѣрству, какое только могла изобрѣтать домашняя тиранія. Было также постояннымъ правиломъ, — это уже образецъ добродѣтели, — предоставлять рабамъ подъ старость выкупаться за цѣну нѣсколько высшую того, чего, по расчету, сто-

ило бы содержать это бесполезное бремя... (*) Велій Полліонъ, другъ Августа, содержалъ огромное число муревъ (родъ угровъ), для откормленія которыхъ приказывалъ бросать своихъ рабовъ (**). Сенаторъ, К. Фламиній приказалъ предать смерти одного изъ своихъ рабовъ безъ всякой другой причины, кромѣ той, чтобы потѣшить новостію зрѣлища одного изъ своихъ угодниковъ, невидавшаго какъ убиваютъ человѣка (***). Если глава семейства былъ убитъ въ своемъ домѣ и не удалось открыть убійцу; то всѣ рабы его подлежали смертной казни. Одинъ изъ вельможъ римскихъ, имѣвшій у себя четыреста рабовъ, однимъ изъ нихъ былъ умерщвленъ, и всѣ они были преданы смерти (****). При погребеніи богатыхъ людей часто закалывали извѣстное число рабовъ, какъ бы въ жертву, пріятную для тѣней. Наконецъ, еслибъ у насъ не было другихъ доказательствъ на то, какъ смотрѣли на рабовъ и какъ обходились съ ними, довольно было бы и того одного факта, что эти ватаги людей, при благопріятномъ климатѣ Италіи и Греціи, не только не распложились, но не могли иначе и поддерживаться, какъ только при помощи безчисленныхъ наборовъ, совершавшихся въ отдаленныхъ странахъ.

И въ особенности достойно замѣчанія здѣсь то, что всѣ эти вещи, которымъ съ трудомъ вѣрится, были тогда понимаемы не какъ крайности, и не какъ злоупотребленія, а какъ прямое выраженіе самаго естественнаго права. Все это ежедневно

(*) Plutar. vit. Caton.

(**) Plin. lib. IX, c. XXXIX.

(***) Plut. vit. Q. Flamin.

(****) Tacit.

совершалось предъ глазами, не вызывая ни малѣйшаго осужденія, ни самаго легкаго протеста со стороны толпы писателей и софистовъ, которыхъ вся жизнь проходила въ жалобахъ противъ нравовъ (*). А что касается законодательства, то оно первое произнесло противъ рабовъ жестокой приговоръ: non tam viles, quam nulli sunt.

Если бы внимательно обсудили вопросъ, откуда произошли такія чудовищныя отношенія людей между собою, то легко нашли бы, что источникомъ ихъ служатъ превратныя отношенія человека къ Божеству. Въ тѣсной и неразрывной связи стоятъ между собою ученіе о единствѣ Божіемъ и ученіе о братствѣ всѣхъ людей. Ученіе о единомъ Богѣ составляетъ основаніе взаимнаго соединенія людей между собою. Когда вѣра въ Бога единого наполняетъ душу человѣческую и развивается до такой степени живости и силы, что пораждаеть въ сердцѣ живое ощущеніе Его отеческой благодати и любви къ намъ, и когда такое ощущеніе возбуждаеть въ насъ не только благоговѣйный страхъ, но и любовь къ Нему; тогда всякому подвляніемъ этой вѣры и этихъ расположеній сердечныхъ, весь родъ человѣческой представляется единымъ семействомъ Отца нашего Небеснаго, а всѣ люди—братьями между собою; при чемъ наиболѣе нуждающіеся представляются наиболѣе достойными попеченій любви нашей. Отъ этого въ христіанствѣ высшее осуществленіе этого ученія, совершающающееся любовію, будетъ ли она обращена къ Богу, или къ людямъ, безразлично называется *любовію*, подобно рѣкѣ, которая всегда и вездѣ удерживаетъ за собою имя своего ис-

(*) Исключая Сенеки, но Сенека, какъ мы постараемся показать далѣе, состоялъ уже подвляніемъ христіанства.

тока, гдѣбъ она ни протекала. Отсюда само собою слѣдуетъ, что съ забвеніемъ и искаженіемъ ученія о единствѣ Божіемъ необходимо падаетъ и уничтожается ученіе о братствѣ людей между собою, и когда съ мыслию о Божествѣ соединяется одна только мысль о Его силѣ, тогда теряется у человѣка сознаніе высочайшаго первообраза благодати и любви и эгоизмъ развивается до чрезвычайности, до готовности пожрать все. Отъ того мы видимъ, что ненавистная язва рабства растетъ и распространяется по мѣрѣ того, какъ съ самимъ многобожіемъ свыкается и сродняется сердце человѣческое у народовъ. Восходя обратно ко временамъ древнѣйшимъ, болѣе и болѣе близкимъ къ той порѣ, когда господствовала въ естественной чистотѣ религія первобытная, мы видимъ напротивъ, что рабство, чѣмъ глубже въ древность, тѣмъ болѣе смягчается, тѣснѣе представляется въ своемъ объемѣ и почти всецѣло исчезаетъ. Уже въ разказахъ Гомера оно мало имѣетъ мѣста. По его словамъ, только плѣнь, неизбежное слѣдствіе войнъ, породилъ рабство. Такъ у него и употребляются почти одни только названія *плѣнниковъ и плѣнницъ*, но и эти даже названія, равно какъ и участь, ими предполагаемая, тотчасъ же теряются въ названіи *домочадцевъ*, или *служителей*. Въ домѣ Алкиноя, Улисса, *Лакерція служители и члены семьи* смѣшиваются въ домашней жизни и слуги одинаковое принимаютъ участіе въ заботахъ семейныхъ и даже въ забавахъ и увеселеніяхъ своихъ господъ, *будучи привязаны къ нимъ*, говоритъ Гомеръ, *болѣе по расположеніямъ сердечнымъ, чѣмъ необходимостью* (*). Даже пастухъ свиней, *добрый Евмей*, называется у него *благороднымъ на-*

(*) Homer. Odiss. c. XXIV.

стухомъ (*). А что касается народа Еврейскаго, у котораго впродолженіе всѣхъ временъ древнихъ сохранялся догматъ о Единомъ Богѣ, то среди его никогда не могло укорениться рабство; оно перерождалось здѣсь въ домашнее временное услуженіе, и оканчивалось чрезъ каждыя семь лѣтъ. *Когда обиднѣетъ у тебя братъ твой, говорится въ книгѣ Левитъ, и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской. Онъ долженъ быть у тебя, какъ наемникъ, какъ поселенецъ: до юбилейнаго года пусть служитъ у тебя. А тогда пусть онъ отойдетъ отъ тебя самъ и дѣти его съ нимъ, и возвратится въ племя свое и во владѣніе отцовъ своихъ вступитъ. Ибо они рабы Мои, глаголетъ Господь* (Левит. 25, 39—42). Этотъ Божественный законъ даетъ ясно разумѣть, какая связь находится между ученіемъ о единствѣ Божіемъ и ученіемъ о братствѣ между людьми. Но такое братство между людьми должно выражаться и въ общежительности, во всѣхъ связяхъ и отношеніяхъ, поддерживающихъ существованіе народовъ и всего человеческого рода. Отсюда слѣдуетъ, что съ возрастаніемъ и всеобщимъ распространеніемъ многобожія оно постепенно дошло бы до поглощенія міра (**).

(*) Idem, ibid. XIV.

(**) Надобно впрочемъ сказать, что такое благоснисхожденіе закона Іудейскаго относилось къ рабамъ только изъ племени Израильскаго, а не къ иноплеменикамъ. Благодатию Спасителя нашего, Который самъ сталъ *рабомъ* ради насъ, *принявъ образъ раба*,—христіанству предоставлено распространять общее освобожденіе людей съ распространеніемъ истиннаго познанія о единомъ Богѣ, какъ выразилъ это св. Апостоль Павель въ своемъ посланіи, всецѣло дышащемъ братскою любовію, во имя которой испра-

Обратимъ еще наше вниманіе на этотъ міръ языческій и не погнушаемся проникнуть во всю глубину этой раны, разъядавшей человечество, если хотимъ, сколько можно яснѣе, понять чудесное достоинство Божественнаго врачества, уготованнаго милосердіемъ Божиимъ для его исцѣлѣнія.

Отъ той же причины, на которую мы указали, происходилъ тотъ страшный обычай, который яснѣе всего свидѣтельствуесть о жестокосердіи и кровожадности, которыя обдуманно и съ намѣреніемъ поддерживались у образованнѣйшихъ народовъ языческихъ; это зрѣлища, представлявшія бой гладиаторовъ. Къ разряду гладиаторовъ причислялись плѣнники, рабы, преступники, осужденные на смертную казнь. Ихъ особымъ образомъ воспитывали и приготавливали сообразно ихъ назначенію ужасной участи, и потомъ цѣлыми тысячами загоняли, какъ на бойню, въ огромный амфитеатръ, гдѣ они принуждены были сражаться одни съ другими и на смерть другъ друга убивать, для потѣхи гражданъ всякаго званія, возраста и

шивая у господина прощеніе бѣжавшему отъ него рабу, онъ говоритъ такимъ языкомъ, который въ то время былъ рѣшительно чуждъ для земли, но сдѣлался столь естественнымъ въ нашихъ правахъ, подъ непрестаннымъ вліаніемъ любви: *«Прошу тебя о моемъ сынѣ, Онисимѣ... Я его отпустилъ, ты же его, то есть, мое сердце, прими... не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго... Если онъ чѣмъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай сіе на мнѣ. Я Павелъ, писалъ моею рукою, я заплачу; не говорю тебѣ о томъ, что ты и собою мнѣ долженъ. Такъ, братъ, желательно мнѣ воспользоваться отъ тебя въ Господѣ тѣмъ, чего прошу у тебя... Я имѣю полную свободу во Христѣ приказывать тебѣ, что должно; но по любви лучше прошу, будучи такой, Павелъ старецъ, а притомъ и узникъ Иисуса Христа.»* (къ Филлимону).

пола (*). Эти кровавыя зрѣлища поглащали иногда, по исчисленію *Липсіа*, двадцать и тридцать тысячъ человѣкъ въ продолженіе одного мѣсяца. Весь Римъ, весь міръ языческій стремился къ этимъ боинямъ людей, и находилъ удовольствіе въ этой рѣзнь. Тутъ не было мѣста никакому состраданію, даже инстинктивному. Раскаленнымъ желѣзомъ и ударами бича принуждали сражаться до смерти тѣхъ изъ этихъ несчастныхъ, которые умѣли защититься отъ меча? При журчаніи льющейся крови, при видѣ ужасныхъ ранъ, при смертномъ хрипѣніи, безчувственный народъ выражалъ дикую радость. Когда надалѣ израненный гладіаторъ и оказывался неспособнымъ продолжать борьбу, тысячи рукъ протягивались съ указаніемъ добить его и если онъ просилъ пощады, то самымъ младшимъ изъ римскихъ женщинъ предоставляемо было удовольствіе отказать несчастному въ его просьбѣ, и онъ жестами подавали знакъ умертвить его (**). По разказамъ Сенеки, народъ Римскій до того былъ ненасытнымъ въ отношеніи этой страшной смертельной рѣзни, что гладіаторы, утромъ уцѣлѣвшіе отъ пасти и когтей дикихъ звѣрей, должны были по полудни снова выходить на бой, но уже безъ всякаго оружія для своей защиты, чтобы доставить безчеловѣчное удовольствіе зрителямъ большимъ количествомъ смертельныхъ ранъ и множествомъ умирающихъ. И всѣ эти отвратительнѣйшія мерзости смертоубійства соединялись съ утонченною разборчивостію, съ крайнимъ великолѣпіемъ и наслажденіемъ, достойнымъ всякаго презрѣнія. Звуки великолѣпнаго оркестра изъ тысячи музыкальных инструментовъ смѣшивались съ воп-

(*) *Iugulantur homines, ne nihil agatur* (Senec. Ep. VII).

(**) *Verso pollice* (Iuven. Sat. III).

лями и стопами амфитеатра. Пурпуровыя покровы, вышитыя золотомъ, были растянуты надъ головами зрителей для защиты отъ палящихъ лучей солнечныхъ. Къ каждому изъ убитыхъ людей подходили молодые и красивые рабы и граблями разгребали окровавленный песокъ. Трубы, искусно проведенныя и управляемыя, служили къ орошенію зрителей благовопіями, къ освѣженію воздуха и смягченію остраго запаха крови. Мозаическія картины, статуи, барельефы, набожныя издѣлія изъ драгоценныхъ мраморовъ, изяществомъ и разнообразіемъ очаровывали взоръ публики, а между дѣйствіями вниманіе и удивленіе ея занимали красотою своей отдѣлки театральныя машины, и наконецъ подъ сводами амфитеатра, подъ вывѣскою, изображавшею безстыдную эмблему, помѣщался будуаръ развратныхъ женщинъ со стороны окровавленной арены и наваленныхъ труновъ умершихъ (*).

И пусть не думаютъ, будто бы такія безчеловѣчно отвратительныя удовольствія свойственны были двумъ—тремъ чудовищамъ, каковы—Неронъ и Калигула; нѣтъ, имъ съ одинаковымъ неистовствомъ предавались и самые кроткіе государи, даже такіе, которые заслуживали названіе *умѣшенія рода человѣческаго*; нѣкое общество ревѣло, требуя, чтобы ему открывали эти бойни, съ такою же алчностью, съ какою оно старалось ежедневно добывать себѣ насущный хлѣбъ для своего существованія (**). Я здѣсь ничего не преувеличиваю.

(*) Dellinger, Origines. du Christianisme; Franz de Champagny, les Césars.

(**) Panem et circenses (Juven. sat. X). «Я не знаю ни одного собранія народнаго, ни одного сѣзда, ни одной коміціи, гдѣ бы

Историкъ Діонъ передаетъ намъ, что Траянъ, во время своего триумфа послѣ побѣдъ надъ Даками, давалъ гладіаторскія зрѣлища, продолжавшіяся непрерывно *сто шестьдесятъ дней* и нашихъ было растерзано и убито десять тысячъ гладіаторовъ и одиннадцать тысячъ дикихъ звѣрей. И Плиній младшій (отъ этого замираетъ сердце и цѣпенѣтъ разсудокъ), въ своемъ панегирикѣ, написанномъ по сему случаю въ честь Траяна, не выронилъ ни одного слова осужденія или сожалѣнія объ этихъ отвратительныхъ потѣхахъ; онъ даже, чтобы обойти все это страшное кровопролитіе, не прибѣгалъ ни къ одной изъ тѣхъ ораторскихъ уловокъ, на которыя такъ изобрѣтательна самая подлая лезть; а напротивъ обращаетъ его въ предметъ прославленія своего повелителя, котораго превозноситъ за его справедливость и чело-вѣколюбіе. Въ чемъ же проявились здѣсь эти добрыя его качества? Великій Боже!—въ томъ, что не приказывалъ изъ среды зрителей схватывать и бросать на арену новыя жертвы, и тѣмъ не увеличилъ и безъ того чудовищное людоедство! Мнѣ не повѣрять; надобно привести текстъ: «обезпечивши такимъ образомъ существенныя потребности гражданъ и союзниковъ, ты не оставилъ безъ вниманія и того, что служить къ ихъ удовольствію. Ты далъ одно изъ зрѣлищъ, не такихъ однакоже, которыя могутъ изнѣживать и дѣлать насъ женоподобными, но которыя способны воспламенять насъ мужествомъ, приучать къ благороднымъ ранамъ и внушать презрѣніе къ самой смерти. Ты обучалъ насъ любви къ славѣ и ревности къ побѣдѣ даже посредствомъ душъ злодѣ-

толпа была многочисленнѣе, какъ на зрѣлищахъ гладіаторскихъ, говоритъ Ціцеронъ (Or. pro Sexto, 59).

«евъ и рабовъ. Какого великолѣпія, какой спра-
 «ведливости не показалъ ты въ семъ случаѣ? Всег-
 «да чуждый пристрастія, повелитель собственныхъ
 «страстей, ты удовлетворялъ желаніямъ другихъ,
 «доставлялъ то, чего и не требовали, даже вызы-
 «валъ желанія. Зрѣлища слѣдовали одни за други-
 «ми, и всегда въ такое время, когда наименѣе того
 «ожидали. Видали ли когда нибудь больше свобо-
 «ды въ одобреніяхъ и рукоплесканіяхъ, больше
 «безопасности раскрыться каждому на распахку,
 «безъ принужденности? Совершилъ ли кто у насъ,
 «какъ при другихъ императорахъ, преступленіе
 «схватить гладіатора изъ ненависти? Былъ ли кто
 «изъ зрителей выданъ на зрѣлище и былъ ли кто
 «столько злосчастенъ, чтобы пагубное удовольствіе
 «очищать жестокою казнію» (*)?... До какой низо-
 «сти, до какого пошлаго ничтожества должно было
 «дойти человѣчество, когда такому императору,
 «какъ Траянъ, восписывалъ такого рода похвалы
 «такой человѣкъ, какъ Плиній!

Впрочемъ со стороны Траяна было еще нѣ-
 сколько человѣчности въ томъ, что онъ назначилъ
 избить только *десять тысячъ* гладіаторовъ, и не
 безъ основанія хвалилъ его Плиній за то, что онъ
 не приказывалъ бросать зрителей на зрѣлище; ибо
 это дѣлалъ одинъ изъ его предшественниковъ, Ка-
 лигула. Однажды, когда не достало гладіаторовъ
 предъ расврѣпѣвшими звѣрьми, онъ приказалъ

(*) Pline Panegyrique, 33, traduction de Sacy. Выраженіе: *па-
 губное удовольствіе очищать жестокою
 казнію*, имѣетъ вѣкоторый тайный смыслъ, въ объясненіе ко-
 тораго я не хочу углубляться; это тайна распутства и пьянства
 съ тайною жестокости; но объ этомъ довольно; нашъ разумъ не
 можетъ углубляться дальше, а если бы и влекло его любопытство,
 то сердце не послѣдовало бы за нимъ.

первыхъ попавшихся ему на глаза зрителей схватить, отрѣзать имъ языки, чтобъ они не могли просить себѣ пощады, и бросить звѣрямъ (*). Это потѣха чудовища, скажете вы; такъ; но народъ римскій рукоприкладъ этой потѣхѣ; но самый сенатъ поощрялъ ее и въ тоже время безстыдно исправлялъ театральнѣйшій кодексъ, постановивъ сенатскимъ опредѣленіемъ, чтобы отнынѣ гладіаторы сражались не попарно, а массами, какъ на сраженіяхъ дѣйствительныхъ. Кровь, прибавляетъ историкъ, замѣняла потъ (**).

Такіе свирѣпыя права сдѣлались столько естественны, что жертвы для нихъ сами себя приготовляли съ нѣкотораго рода тупою и безсмысленною покорностію своей судьбѣ; онѣ какъ бы потеряли уже сознаніе, что имѣютъ право на жизнь. Смерть, расторгающая всѣ связи, ничего не значила для нихъ въ сравненіи съ тяжестію ихъ рабства; даже и ея мрачная сѣнь не была для нихъ убѣжищемъ свободы; чело, которое она готова осѣнить, униженно повергалось въ прахъ, чтобы послѣдній разъ отдать благоговѣйное поклоненіе богу—Кесарю: «Ave, Cesar,» кричали эти обреченныя жертвы, проходя мимо его трона, *morituri te salutant* (***)).

(*) Tacit. Annal. lib. VII. suppl. 29.

(**) Tacit. Annal. lib. VII.

(***) Все это можетъ представляться удивительнымъ и баснословнымъ для читателя, если станетъ судить по современнымъ намъ понятіямъ о правѣ, свободѣ, достоинствѣ человеческомъ, и если не встрѣчая нигдѣ въ древности энергическаго протеста противъ всѣхъ этихъ мерзостей, придетъ къ той мысли, что все это не доходило до такихъ крайностей, въ какихъ выставляется. Но въ этомъ—то и заключается дѣйствительная крайность зла. Въ этомъ обществѣ палачи и жертвы такъ сроднились, что ни одного крика, ни малѣйшаго даже намека, во имя философій и исторіи, не вызвали эти

Въ тоже время даже на лютыхъ звѣрей вы-
нали права равенства и братства съ людьми. За-
конъ простиралъ свои нѣжныя попеченія объ нихъ
даже въ ихъ дикихъ пещерахъ и логовищахъ.
Подъ смертною казнію было запрещено убивать
ихъ тамъ, для сбереженія ихъ, съ тою единственно
цѣлію, чтобы они сами пожирали людей на зрѣли-
щахъ цирка.

Пусть же по этому судятъ, какіе тираническіе
инстинкты и варварскія наклонности должны бы-
ли развиться въ личныхъ правахъ и какая желѣз-
ная рука должна была падать на все, что было сла-
бо,—на дѣтей, женщинъ, рабовъ, несчастныхъ, на
самое даже злополучіе. Дѣти, только что родивші-
яся, еще неочищенные отъ кровей матернихъ,
ежедневно были покидаемы на погибель отъ голо-
да, или холода; ихъ бросали при дорогахъ, на съѣде-
ніе волкамъ, каждую ночь цѣлыми стаями сходи-
вшимъ съ горъ Абруцкихъ и пожирившимъ эти жалкія
жертвы звѣрства человѣческаго. Малѣйшаго
предлога достаточно было для развода съ женою,

безумныя увеселенія и жестокости, тысячная доля которыхъ под-
няла бы теперь всю Европу. Все это совершалось, по пословицѣ,
какъ бы за осьмью замками, и такое молчаніе приводитъ въ ужасъ.
Нарушить его предоставлено было христіанамъ прежде всего сво-
ими многочисленными и сильными апологіями, въ которыхъ они,
опираясь на плуцію, а не на Кесареву власть, смѣло, безъ стра-
ха, но и безъ мятежничества, требовали у Кесаря отчета, за что
ихъ такъ жестоко преслѣдуютъ. Въ семь случаевъ они только подра-
жали своему Божественному Учителю, Который также во время
страданія претерпѣвши ударъ по своему пречистому лицу, съ Бо-
жественною кротостію и человѣческимъ достоинствомъ, отвѣчалъ:
*если Я сказалъ худо, покажи, что это
худо; а если хорошо, за что ты бьешь ме-
ня* (Іоан. 18, 27).

даже прежде чѣмъ проходила естественная пора ея чревоношенія; бракъ служилъ какъ бы только законнымъ прикрытіемъ распутства, да и за эту цѣну, какъ увидимъ дальше, почти никто его не желалъ; на прелюбодѣяннѣе смотрѣли какъ на облегченіе рабства супружескаго. Пусть судятъ по этому объ участи бѣдныхъ. Между учрежденіями языческими не видно ни одного, которое служителями религій, или лицами, стоящими во главѣ правленія, было бы основано съ цѣлю вспоможенія больнымъ, немощнымъ, несчастнымъ, лишеннымъ всего. Отъ одного императора Римскаго осталось на счетъ бѣдныхъ изреченіе, которое вкороткѣ выражаетъ все: *nobis graves sunt—они намъ несносны*. Также жестокость противъ самаго себя выражалась въ самоубійствѣ. Какъ только чувствовали надъ собою какое несчастіе, подвергались какой немилости, тотчасъ поднимали руку на самихъ себя; и такое нравственное малодушіе не стыдилось украшать именемъ добродѣтели, и оно было освящено примѣромъ людей наиболѣе пользовавшихся общественнымъ уваженіемъ; это была дверь, чрезъ которую благороднымъ образомъ уходили изъ жизни.

Другая сторона языческихъ нравовъ, обличающая ихъ безчеловѣчіе, и на которой намъ слѣдовало бы остановить наше вниманіе, представляетъ въ себѣ потерю всякаго инстинкта къ воздержанію и стыдливости. Но мы это оставляемъ по чрезмѣрной отвратительности этихъ пороковъ.

Но тутъ ли предѣлъ злу?—Что говорить послѣ сего о другихъ сторонахъ, развращенныхъ нравовъ языческихъ, о пышности зданій, объ уточенности и чудовищности пиршествъ? Нѣтъ надежды изобразить всю эту глубину чувственности; нѣтъ надежды, чтобы и повѣрили тому, кто сѣумѣлъ бы ее изо-

бразить. Когда вступаютъ въ эти храмы состарѣвагося язычества, заключаются въ нихъ и проникаются всеѣмъ, что ихъ наполняетъ, тогда душа испытываетъ какъ бы нѣкотораго рода удушье; столько она сознаетъ себя погрязшею въ чувственность, столько тяжкій окружаетъ ее нравственный мракъ, столько оскорбляется здѣсь природа, столько упадаетъ, столько забывается Богъ!! Когда уже дошло до того, что понятія преданія о Богѣ и душѣ человѣческой были всецѣло подавлены философствованіемъ и многобожіемъ; то съ утратою мысли о Богѣ единомъ исчезла мысль и о братствѣ между людьми; съ утратою ученія о духовности и безсмертіи души исчезла мысль и о призваніи человѣчества къ царству существъ разумныхъ; а съ упадкомъ власти разума само собою слѣдовало необузданное господство плоти и разложеніе общества человѣческаго. Помимо нашего сознанія и воли, дыша и питаясь истинами и правилами христіанскими, мы съ трудомъ едва можемъ себѣ представить, каковъ былъ міръ, когда въ немъ ничего не было христіанскаго и когда въ продолженіе тридцати вѣковъ скоплялись надъ родомъ человѣческимъ всякаго рода суевѣріе и развращеніе. Это былъ хаосъ, лишенный Духа Божія (*).

(*) Какъ бы чрезвычайно ни казалась начертанная нами картина разложенія міра языческаго, но она далеко еще ниже дѣйствительности. Кто сомнѣвается въ этояъ, тотъ пусть прочитаетъ только *историческія изслѣдованія* Шатобріана; прекрасное сочиненіе Троллопа *о вліяніи христіанства на частное право Римлянъ и Кесари* Франца де Шампаньи, — твореніе, котораго успѣхъ еще не достигъ того, чего оно заслуживаетъ, это одно изъ лучшихъ и наиболѣе интересныхъ произведеній нашего времени, которое оно несомнѣнно переживетъ.

И какъ будто все должно было содѣйствовать довершенію этой смерти рода человѣческаго. Съ одной стороны, онъ еще первый разъ, послѣ своего разсѣянія, очутился соединеннымъ въ одно политическое тѣло подъ владычествомъ римскимъ, глубокая порча котораго, подобно заразной язвѣ, при страшномъ повѣтріи, распространялась на всѣ его члены; а съ другой — многочисленныя ватаги варваровъ, со всѣхъ сторонъ толпившихся, подобно дикимъ звѣрямъ, съ надеждою, что и для нихъ откроется арена, бросались на міръ римскій и терзали другъ друга въ спорахъ за его добычу, ватаги, безъ всякихъ стихій гражданственности, безъ всякой высшей власти надъ ними, которая бы могла принять посредничество въ этомъ страшномъ разрушеніи, защищая побѣжденныхъ противъ побѣдителей и самихъ побѣдителей противъ ихъ собственной жестокости.

Теперь судите, кто могъ спасти міръ, при такомъ его положеніи?

Всякій мыслящій человѣкъ, углубляясь въ исторію этого времени, и какъ бы присутствуя при этомъ необъятномъ разложеніи языческаго міра, не можетъ не предложить себѣ слѣдующаго вопроса: если бы христіанство не явилось на землю въ эту роковую для нея пору, чтобы возвести міръ къ первобытнымъ его законамъ, чтобы овладѣть и укротить эти дикія орды, его поглотившія; еслибы варварство этихъ хищническихъ народовъ просто только столкнулось и совокунилось съ варварствомъ одряхлѣвшаго общества міра языческаго; то чѣмъ все это могло бы кончиться? Воображеніе отъ ужаса цѣпенѣетъ предъ этимъ отдаленнымъ зрѣлищемъ. И когда, съ исторіею въ рукахъ, обозрѣваешь все то, что духъ христіанства своею плодотворностію произвелъ изъ обломковъ этого разрушенія, когда

представляешь, что настоящія общества, во всемъ своемъ составѣ, однимъ дыханіемъ тогоже Божественнаго Духа, возродились, образовались и достигли той степени развитія, на которой теперь стоять, и на которой мы видимъ ихъ еще стремящимися къ дальнѣйшему совершенству: то нельзя, не прійти къ тому заключенію, что безъ христіанства мы не существовали бы, что вмѣсто этихъ осьмнадцати вѣковъ образованія и усовершенствованія протекло бы столько же вѣковъ разложенія и смертной агоніи, а за тѣмъ—опустошеніе и ничтожество.

Что же тогда потребовалось бы для спасенія обществъ человѣческихъ? То самое, что дѣйствительно спасло ихъ.

Для этого необходимо, чтобы нравственные стихіи, составляющія жизненные условія нашей природы и утраченныя ею, опять были введены въ нее; чтобы существенныя истины, служащія основаніемъ соединенія человѣка съ Богомъ, разума сотвореннаго съ Верховнымъ Разумомъ, были обновлены и оживлены въ сердцѣ человѣческомъ для подчиненія разуму и согласнаго съ нимъ дѣйствованія инстинктовъ и потребностей животныхъ; чтобы наконецъ свѣжіе жизненные соки истины и правды проведены были въ старый корень человѣческаго рода. Утрата всѣхъ этихъ началъ довела міръ до разстройства и разложенія; и возстановленіе его возможно только подъ условіемъ возвращенія ему тѣхъ же началъ.

Какимъ образомъ могло совершиться обратное введеніе этихъ жизненныхъ началъ въ сердце человѣческое?

Мы уже видѣли, что религіозныя истины, служащія источникомъ всѣхъ началъ общественной жизни, первоначально господствовали на землѣ во всей своей чистотѣ. Равнымъ образомъ видѣли и

то, что люди сами себѣ не могли дать этихъ истинъ, составляющихъ жизнь души нашей, такъ же какъ не могли сами себѣ дать души, оживляющей тѣло, и что первоначальное приобрѣтеніе религіозныхъ истинъ могло быть только при посредствѣ откровенія. Видѣли также, что весь родъ человѣческій долгое время жилъ вѣрою въ первобытное откровеніе и для сохраненія этого драгоцѣннаго залога жизненнаго имѣлъ пособіе въ ученіи, необходимо его предполагающемъ,—въ ученіи преданія. Наконецъ видѣли и то, что, не смотря на это средство къ сохраненію откровенія, родъ человѣческій утратилъ первобытныя религіозныя истины, и чѣмъ дальше подвигался впередъ, чѣмъ долѣе жилъ; тѣмъ больше уклонялся отъ этихъ истинъ, тѣмъ глубже погружался въ мертвящій мракъ и на послѣдокъ дошелъ до состоянія заразительнаго разложенія.—Какимъ же образомъ, въ такомъ состояніи, истины религіозныя, совершенно чистыя, святыя и свѣтоносныя, могли быть возстановлены разомъ въ душѣ человѣческой? Какъ могли онѣ испровергнуть всѣ грубыя заблужденія, замѣнявшія ихъ; вновь занять мѣсто на престолѣ разума, и природу человѣческую, уклонившуюся отъ всѣхъ законовъ правды, снова подчинить этимъ законамъ, еще съ большею строгостію и точностію? Потомъ, какимъ образомъ могли эти истины сохраняться и устоять противъ яростныхъ нападений всего языческаго общества, въ своемъ безумномъ ослѣпленіи крѣпко отстаивавшаго неприкосновенность своего погибельнаго состоянія, такъ ему полюбившагося, и, послѣ осьмнадцати вѣковъ преслѣдованія и борьбы, какъ онѣ могли устоять доселѣ? Какъ и чѣмъ могло все это совершиться, если не собственною силою, свойственною этимъ истинамъ, тою же самою силою, которою онѣ и первый разъ были введены въ духъ

человѣческой и дѣйствию которой теперь еще очевиднѣе; словомъ, силою сверхъестественнаго откровенія?

Это заключеніе представляется мнѣ неопровержимымъ. Впрочемъ я понимаю, что нѣкоторые умы, принимая во вниманіе особенную его важность, колеблются соглашаться съ перваго раза съ этимъ выводомъ. Поэтому какъ бы ни были опредѣлительны и сильны причины, по которымъ хотѣли бы склонить и насъ къ тому же,—подвергнемъ ихъ испытанію; воспользуемся всѣми правами нашими по отношенію къ истинѣ, слѣдствіемъ чего должно быть подчиненіе разума вѣрѣ, и чтобы вѣра наша была разумна, уяснимъ для себя, сколько возможно полнѣе, божественность ея основанія.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

29 Октября сего 1865 года въ городѣ Тамбовѣ, въ Покровской церкви, отпѣваемо было тѣло покойнаго протоіеря Покровской же церкви, Петра Михайловича Вановскаго, съ 1865 года находившагося уже въ заштатѣ. Литургія и обрядъ погребенія совершены были о. Ректоромъ Семинаріи Архимандритомъ Геннадіемъ съ духовенствомъ Покровской церкви. Покойный протоіерей долго служилъ церкви. Съ 1824 года, по окончаніи курса Семинаріи, до 1851-го—онъ былъ учителемъ Шацкого духовнаго училища; съ 1851 года до выхода въ заштатъ въ 1865 году, исполнялъ должность священника; 25 года былъ благочиннымъ надъ сельскими церквами Тамбовскаго уѣзда. Умеръ 65 лѣтъ. — Не пышно, но скромно-умилительно было погребеніе покойника. Изъ духовенства прочихъ церквей города Тамбова не было никого, пс-

ключая одного изъ священниковъ Архидіаконской церкви, бывшаго сослуживца покойнаго; народа въ церкви было довольно много, и народъ все простой—изъ прихожанъ Покровской пригородной слободы. Вся обстановка погребенія шла, какъ нельзя лучше, къ скромной жизни покойника. Опъ не старался искать себѣ въ здѣшней жизни ни славы, ни почестей, ни какого либо честолюбиваго вліянія на другихъ, онъ держалъ себѣ въ сторонѣ отъ тѣхъ волненій, которыя испытываются многими въ искательствахъ подобнаго рода. Отличительная черта его жизни была кротость и миролюбіе. Это онъ показалъ въ обращеніи своемъ съ прихожанами изъ простаго званія, которые любили его какъ добраго отца; и это показалъ особенно на должности благочиннаго сельскаго. Разныя недовольства, ссоры и раздоры, которыя происходили между ввѣренными его смотрѣнію духовными лицами, онъ всегда старался прекратить домашнимъ образомъ, не доводя до Консисторіи, и своимъ кроткимъ—сердечнымъ вліяніемъ всегда успѣвалъ успокоить недовольныхъ, примирить ссорящихся, возбуждая въ сердцахъ этихъ людей искреннюю къ себѣ благодарность, за избавленіе ихъ, подобнымъ образомъ дѣйствій, отъ послѣдующаго *горшаго* зла. Должность сельскаго благочиннаго онъ исправлялъ съ усердіемъ, и она то, главнымъ образомъ, разстроила его здоровье и привела его къ преждевременной дряхлости, которая обнаружилась въ немъ очень рано въ его жизни. Ему много и очень много разъ приходилось въ дурную погоду на подводѣ бѣднаго духовенства,—нерѣдко на одной плохой лошади тащиться изъ села въ село, и скрѣпя сердце терпѣть разныя дорожныя невзгоды;—и много подобнаго рода непріятностей приходилось выносить ему на этой должности,—непрі-

ятностей, которыя знаетъ только одно доброе и горячо-сочувствующее благу ближняго и горю ближняго сердце сельскаго благочиннаго.

Труды покойника въ жизни были велики, потому что онъ сердечною добротою и сочувственною ревностию растворялъ исполненіе своихъ обязанностей, но они эти труды не были обыкновенно-видны, потому что онъ не выставялъ ихъ на видъ, чтобы получить за нихъ награду здѣсь; но дѣлалъ ихъ тихо, — безъ шума и грома, имѣя лучшую награду въ сочувствіи искренняго и добраго сердца, и особенно въ надеждѣ получить награду тамъ, гдѣ раскроется вся тайна сердца человѣческаго и воздастся должное *комуждо по дѣломъ*.

Слабость здоровья заставила покойника, еще за три года до своей смерти, оставить должность приходскаго священника и, чтобы не остаться безъ средствъ жизни, сдать священническое приходское мѣсто зятю, на попеченіи котораго онъ и дожилъ послѣдній остатокъ своей жизни.

За добрую и кроткую жизнь Господь сподобилъ его мирной—истинно-христіанской кончины. Онъ имѣлъ время приготовиться къ ней надлежащимъ образомъ, какъ подобаешь христіанину, и встрѣтить ее безбоязненно. Силы его ослабѣвали постепенно и жизнь погасала постепенно, — давая ему чувствовать, что смерть къ нему приближается, такъ что онъ при ясномъ сознаніи провидѣлъ близкій свой конецъ.

